

ГУСТАВ САКК

В литературных движениях часто бывает, что время или угол зрения подхватывает писателя, давая ему тему, расставляя акценты, направляя его движение, давая спеки. Но случается и иначе, когда рождается писатель, словно бы изначально отмеченный признаками грядущего стиля, когда его, писателя, видение мира складывается именно таким еще до теоретических сбоев и вне их.

Густав Сакк родился в 1885 году в Шарбекке. Он происходил из семьи учителя. Став писателем, он долго мотарился по издательствам в безуспешной попытке издать свои произведения. Глубоко рефлексированная и эссеистическая манера повествования Густава Сакка, еще удивлявшая многих тогдашних издателей, оказалась особенно подходящей для лирического публичного самовыражения.

Для новой литературной ситуации, сложившейся на рубеже 1900-х—10-х годов, была характерна тяга к общинности, к образованию группировок. В крупных городах (Берлине, Праге, Мюнхене, Вене, Дрездене, Кельне, Лейпциге) молодые писатели и художники собирались вместе, открывали для себя сходство взглядов, об разовывали активные ядра и журналы, устраивали творческие вечера и выставки. Это было время бурных споров, исканий, надежд. Существовали и издательства, занимавшиеся печатанием и пропагандой новых идей в литературе, к примеру "Курт Вольфф" (Лейпциг-Мюнхен). В 1910 начал выходить экспрессионистский журнал "Буря", основанный Гервартом Вальденом (1878—1941), через год появился "Акцион", издававшийся Францем Шемфертом (1879—1954) и, наконец, в 1913 году Рене Шикеле (1883—1940) выпустил под своим руководством "Белые листки". В связи с обилием имен, разнообразием художественного подхода и неоднородностью

поэтических форм, основными литературными документами экспрессионизма стали совместные декларации, сборники поэзии и прозы, антологии, которые уже в силу и благодаря, обширности спектра, разнообразию поэтических голосов, спору и диссонансу мнений составляли красочную и подвижную мозаику художественной жизни.

"Освободить действительность от абриса ее явленности, освободить от этой явленности нас самих, преодолеть ее благодаря проникновенной силе духа, победить и подчинить ее себе благодаря интенсивности чувств, их большой взрывной мощи - такова единая воля новейших поэтов", - писал К.Шинтус с молодом движением поэтов-экспрессионистов.

Страстное желание проникнуть в существо реальности помогло экспрессионистской поэзии дать важный импульс для развития литературы, на который сказался неспособен критический реализм.

Это, вероятно, судьба, но при всем разнообразии и широте движения экспрессионизма, Густав Сакк не нашел "своего" издателя. И остался незамеченным современниками. Слава к нему пришла только после его смерти (он умер в Румынии в 1916 году). Он был признан и причислен к экспрессионизму, ибо его неконвенциональная манера описания внутренних страданий современности и поэтически выразительный язык безусловно принадлежат к вершинам этой литературной поры. Густав Сакк успел еще написать роман "Прогулявший студент", который во многом побужден автобиографическими коллизиями. В творчество Сакка постоянно просвечивают личностные переживания: будь то презрение к общественному, или поиски исполненного смысла существования за пределами гражданского миропорядка, или ненадежное положение непризнанного писателя, или внутренняя отъединенность или же, наконец, любовь-ненависть к солдатской жизни.

Маленькая вещь "Рубин", как-будто действительно составлена из жидких кристаллов, разные цвета которых причудливо переливаются, при одинаковой плотности не смешиваясь, создавая свой, кристаллический мир.

Поздняя известность, и даже слава поэта быстро распалась, пошла на убыль. Следующие поколения уже забыли имя Густава Сакка. Но сегодня, сквозь толщу времени, он вновь возвращается к читателю, способному с позиций опыта нашего XX века

достойно оценить своеобразие пера и души этого поэта.

Произведение Густава Сакка на русский язык переводится впервые.

Густав Сакк

РУБИН

/перевод с немецкого Ю.Нели/

Была пора, когда на взморье швели липы. Одногодичник-вольноопределяющийся Биканманнур сидел верхом на каменном заборе, окружавшем казарменную территорию. Сидел потому, что кроме трех суток ареста и разжалования в ефрейторы, наказание, которое он навлек на себя несдержаным выражением своего мнения, заключалось еще и в содержании на казарменном положении. Несemu-то приходилось ему еженощно ускользать из помещения, в котором он ночевал с людьми из отделения внутренней службы, он должен был осторожно прокрасться через вестибюль и по гулким лестницам здания, миновать подстерегающие тени казарменного двора, чтобы затем легким разбегом перемахнуть на волю. Там ждала его белокурая Мадлен, с которой он спешил исчезнуть в своей квартире.

Старые часы со скрипом втягивали воздух в свои проржавевые легкие и двенадцать брящаших ударов вспугивали ночь и твердо, и глухо топали по мостовой подбитые гвоздями салоги патрульного поста или, медленно и коварно, скользили по хрусткому гравию. Вокруг же на белых прудах и озерах поднимался туман, из которого, подобно вздутым головам ящериц, торчали верхушки ильмов и лип, и как красные глаза тараканов таращились огни железнодорожного перегона; и в самой середине пустой беззвездной исчи, как натертая до блеска висячая лампа из желтой меди, свешивалась луна. Горсть выброшенных звуков прошла сквозь воздух, мечтательно порхнула меж красно-бурых

домов и с коротким стоном погрузилась прямо в печальный туман.

Стой!

Зверской хваткой закогтил его ногу рыжий волосатый кулак и потащил вниз. Однако он, крепко выругавшись, рванулся вверх, с бешенством двинул субъекта в лицо так, что тот отлетел в сторону, а каска и винтовка с лязгом покатилась на землю, и перемахнул через ограду.

О, Маделон!

Густыми облаками аромат цветения лип вливался в комнату, с потолка которой в плоть красного света свисала бордовая бахрома теней, в свет, застывший здесь, меж четырех стен, как гигантский рубин. И если действительно хочешь признать в этом рубин, тогда ты дашь серым переливающимся клубам дыма, поднимавшегося из голубоватой пещельниши вверх, распространиться в виде магического купола и превратиться в аканты фантастических капителей и курчавые завитки арабесок, так, что можно будет рассмотреть вертикальный излом, либо замутнение в камне. И уже не как излом, но как самую глубинную тайну, как сердце драгоценного камня ты должен был бы обозначить графин маслянистого вина, в котором по временам в глубоком пурпуре всыхало, словно начавшее пульсировать, сердце рубина. Но высокой белой зарею пламени, жгучей тоскующей душой камня, я должен был наречь Маделон, когда она в беспечной наготе вступила в ложе, вытянувшись на котором лежал ее возлюбленный.

Ты не хочешь раздеться?

Нет, потому что ты выглядишь белее и шелковистее рядом со сдержанной голубизной, кричащей краснотой и пронзительностью блестящими пуговицами этого, — ах, этого парадного кителя! О, Маделон!

Затем он притянул ее к себе и попросил ее сесть верхом на его грудь. После этого он взял ее руки, нашел взгляд ее глаз и погрузился в их лучистую синь, похожую на всегда бездонное море.

Ты видела, как снаружи в пустом беззвездном небе висит луна, как одиноко висящая блестящая лампа, как чей-то забытый свет? Вот так же и я повис в моем мире, беспомощный и одинокий в его непостижимой бессмыслиности и в его вечной грубости. —

Я не могу проклясть этот мир, я слишком умен для проклятья; ибо я знаю, что проклятие обусловило бы и утвердило бы некий призрак, некий обманчивый свет идеала. — Я больше не возлагаю своих надежд на этот фундамент и строю, вопреки этому фундаменту бессмысленности и грубости, высокий светлый дом; я намного слабее этого "вопреки", и вся моя расплывается в свете моих глаз. — Я обхожу стороной и забываю мир в опьянении, в непреклонном отведении взора от всего и в пылком погружении в красную твою любовь и твое шелковистое тело.

Ты — прекрасная пениящаяся волна, которая зовет отсюда на улицу, в жизнь, и с шипением гонит себя дальше, и она не знает успокоения, пока не увидит скалы, вокруг которой она вспенивается и клокочет, и ласкает день и ночь, которую видишь утеснувшей в ее мягких объятиях.

Разве не так ли в какой-нибудь церкви, в сумеречных арках и нишах которой запутались облака курящегося фимиама и звуки органа?

— Ты не желаешь выпить? Взгляни-ка, какое красное вино, красное как соски твоих гордых грудей.

О, Маделон, в твоей любви таится для меня возможность смотреть на мир как на картину, многокрасочностью и разнообразием колорита которой я наслаждаюсь, без определенного намерения и не задаваясь вопросом о творце и составе красок. Ты — сладкая астра, ты — красное вино и шелковистое тело, о, ты — пениящаяся волна, ты — последнее утраченное счастье и фиалковая улыбка в уголке, ты — Боже — мой!

Вот тонкими струйками зажурчала волна ее тела, и она накрыла его так, что голова его пришла между ее грудей. —

Когда на следующий день вольноопределяющийся Виканманнур прямо из постели вызвали к фельдфебелю, и он узнал, что ему будто бы грозит наказание в десять суток ареста и лишение нашивок, его отвел в сторону один из его товарищей: Я не понимаю Вас — девушка, которая заведомо обманывает Вас! Уже сегодня утром я видел, как она через три дома от Вас поднялась в хибару к другому. А тогда, ночью, Вы только сколько двенадцати пришли домой, не правда ли? и Вы никак не могли знать.

Тогда вольноопределяющийся Виканманнур вернулся к себе на

квартиру, неспешно разделся и зарылся в подушки, которые еще хранили ее тела тепло. Там он ожидал появления патруля, что должен был зайти за ним, и в момент, когда тот распахнул дверь, он пустил себе пулю в рот.

Ты признаешься теперь, что поддерживала с ним знакомство?
Признаешься?

И когда она промолчала и только со стоном скривилась перед ним, плеть, щелкнув, снова прошлась по ее спине.

Это же скандал! Вот так застрелиться из-за какой-то девки!
Признайся, по крайней мере! Ты слышишь?

И когда она все еще молчала и только со стоном скривилась перед ним, арапник, щелкнув, снова прошелся раз, другой и третий по ее спине. Затем он отпустил ее руку так, что она рухнула перед ним на колени и ударила лбом о край стула; и так осталась лежать.

Он же с фырканьем обежал кругом по комнате, в которой нахлыла кислая атмосфера пива и табака, размахнулся плетью и, в конце концов, с "Ах ты, стерва!" обрушился ею на исполосованную кровоподтеками спину белокурой Маделон. Затем он шагнул к окну, отворил его и утер со лба пот.

Вот дрожащий ночной воздух волной вошел в комнату и ласково погладил приведенные в беспорядок волосы Маделон и задержался перед ее мокрыми от слез глазами образом мрачного рубина, и его пурпурного сердца.

Когда, однако, сей пифомец муз почувствовал на своем разбитом лбу его дыхание, он сорвал со стены дуэльную саблю и резко встал в фехтовальную позицию и принял с остервенением гремящими квартами обрабатывать печную трубу.

Тут Маделон потеряла красный рубин и позабыла в слезах, и начала тихо про себя улыбаться, и когда неутомимый с грохотом отшвырнул саблю в угол, втащил на софу ящик пивных бутылок и принял пить, глаза ее засияли и она ожидала только: "Ну что, дитя, не следует ли нам снова поладить". И когда это, наконец, случилось, она скользнула к нему на колени и обхватила своими руками его опьяненное тело.

Затем она сняла с него сапоги и носки и прижалась губами к его ступням.

На следующее утро, часов в девять, солнечный зной лег на

улище как злой белый зверь, который внезапно охватывал своими стеклянными лапами и своим вяжущим дыханием каждого, кто выходил из ночной прохлады жилища; тогда он заталкивает ему обратно легкие, едко кусая и обжигая его глаза, и тяжело повисает на его ногах, как свинец. И чем выше поднималось солнце, тем больше становился зверь и тем более его стеклянная шкура; тем выше взбирался он вверх по каменным стенам домов и пролезал в окна и разваливался в комнатах, ленивый и тяжелый, и душный. Лучше всего, однако, он чувствовал себя и вздувался от удовольствия в комнате, в которой рядом с помятой печной трубой и порожними пивными бутылками лежала на земле зазубренная сабля. Тут-то он большими глотками всасывал угар пота и пива, разогревал его до каления в своей груди и с мерзкою ухмылкой снова выдыхал его над обеими спящими.

От него проснулась Маделон. И когда она увидела слепящий день и белого солнечного зверя, она обернулась и разбудила своего возлюбленного и склонилась над его красно-опухшим лицом, над его полуоткрытым ртом, из которого вырывался кисло-сладкий алкогольный перегар, и над его ослизлыми глазами, в которых своею его коснулась сияющей нежностью. Затем она притиснулась к его теплому влажному телу и почувствовала, как внезапно липкий пот обильно выступил из всех его пор.

"О, любимый, ты ведь больше не будешь сердиться —"

Тут сквозь утро прозвучали один, два, три залпа —

"Вот они уже и зарыли его" —

Но она с щутливым негодованием ерошила его волосы, буря сладкой нежности пролетела по ее прекрасному лицу, и в то время пока она лихорадочно тормошила объятиями его, уютно урчащего, она прошептала в его красные солинные уши: "И почему только я так люблю тебя?"

1914.

oooooooooooo